

Н.В. ДРАННИКОВА

Архангельск

Прозвищный фольклор: к вопросу о локальной идентичности жителей Русского Севера

В статье рассматриваются фольклорные тексты, содержащие коллективные, или локально-групповые (далее — КП и ЛГП) прозвища и характеристики, которые даются представителями различных местных групп друг другу.

Коммуникативные ситуации, в которых используют прозвища, типичны. Например, жители деревни Ваймуши Пинежского р-на (Арх.) подолгу ждут автобус, приходящий из соседней Шардонеми, что вызывает у них чувство раздражения. В адрес запаздывающего автобуса они произносят типовую формулу: «Ну, кашник, когда придешь?»¹. *Кашники* — прозвище жителей Шардонеми. Название сельского сообщества в данном случае было перенесено с локальной микрогруппы на объект, принадлежащий ей.

Экспедиционные материалы позволяют утверждать, что в недалеком прошлом тексты, содержащие ЛГП, имели обрядовую функцию. Нами были отмечены исполнения прозвищных песен: а) в период святок (они посвящались мужчинам и в них содержались характеристики их жен — уроженок других деревень); б) во время масленичных катаний с гор на Верхней Пинеге, где они были составной частью мужского репертуара; в) в съезжие праздники на Масленицу (среднее течение Пинеги).

Песни исполнялись в ритуализованной обстановке: во время совместных гуляний молодежи из разных сел. Можно предположить, что существовавшие в древности ритуальные словесные поединки между представителями соседних локальных групп и отдельно между девушками и парнями этих деревень² сохранились в трансформированном виде как песни-дразилки.

Прозвища могут быть фактом бытового этикетного поведения. Ими пользуются во время бесед или ссор с членами своей семьи. Напри-

мер, ежедневно во время чаепития муж говорил, обращаясь к жене, уроженке Ваги (Шен.): «*Ваганы косопузые*».

«*А еще вот: бывало, мама чай пьет, а папа-то, это шутит, он, т.е. есть, «ваганы косопузые» говорит. Это он маме, то есть. Она с реки с этой ведь, с Ваги то есть. Вот он всех их и называл так*». (Т.А. Ватага, 1951 г.р.)

Текст всегда сопровождался соответствующей мимикой.

Во время встреч представителей соседних микрогрупп общение начиналось с вербализации локальных наименований. Типовые формы прозвищной коммуникации использовались на посиделках (игрищах), где встречалась молодежь из разных деревень. Жителей СмUTOво (Верк., Пин.) в соседних деревнях называли *зайцами*. Когда они заходили на игрища, присутствующие начинали петь, обращаясь к смUTOвьянам:

— *Заянька, где ты бегал?*

Серенький, где ты бегал?

(Н. Савина, 1984 г.р.)

К ритуализованным формам поведения относились драки. Прозвищное определение локальной идентичности служило сигналом к началу драки между парнями в Каргопольском уезде Олонецкой губернии (современном Няндомском р—не Архангельской обл.). Она традиционно начиналась с диалога местных жителей с «соседями»:

— *Ты мамон?*

— *Не мамон.*

(В.В. Красин, 1954 г.р.)

После этого няндомцы начинали драку. *Мамон* — прозвище жителей Няндомы. В этой ситуации прозвище выступало в качестве инвективы, и его целью было ритуально спровоцировать негативные эмоции и агрессивные действия у представителей соседней группы. Эту же роль играли частушки. В качестве иллюстрации приведем один из многочисленных примеров, имеющих в нашей коллекции:

«*Раньше жителей Ошевенской волости (Карг.) называли «кафтанниками», потому что они шли кафтаны. Жители Чурьеги и Ошевенска собирались вместе на Троицын день. Жители Чурьеги пели оскорбительную частушку, из-за этого часто случались драки:*

Чурьезжанушка-ребятушки,

Дружки-приятели,

А ошевенски кафтанники —

* матери».

(Ю.Н. Купленников, 1934 г.р.)

Поддержанию прозвищной традиции способствовал тип хозяйственной деятельности поселенческих групп. Ритуализованный обмен прозвищами происходил между представителями различных деревень во время сплава леса, зверобойной кампании, добычи рыбы. Жители низовой Пинеги и Северной Двины приветствовали присловьями верхнепинежан, гнавших плоты с лесом на заводы в Архангельск. Когда

плот проплывал мимо деревень, местные жители дразнили их: «Дядя-верхота, отлей воды с плота»³, после чего возникала взаимная перебранка.

«Кто плоты сплавлял по реке, то как мимо деревни плывут, ту деревню обязательно смеют. Какие у вас девки, ребята, какие у вас бабы. Всякие, кто чего заслуживает.

Плотов десяток плавают, на каждом по два-три человека по фарватеру несло. Вот, если Ваймуша, то ваймушон всех. Девки в первую очередь: “Девки у вас такие...”. Ну, дальше плывут мимо Айновы, Церковы Горы: “Гора — головёшк! Девки у вас таки-сяки!..”. Мимо Шардонемы — тоже. Ни одну деревню не пропустят.

Те слушают, на берегу стоят. Деревни-то близко. Ходят ещё специально. Говорят в ответ, камня кидают... Та деревня, которая близко у реки, обязательно чего-нибудь скажет». (Е.С. Лысцев, 1929 г.р.)⁴

Еще одной типовой ситуацией, в которой произносились прозвища, была неожиданная посадка плота на мель. В этом случае перебранка возникала между женщинами, проживающими в близлежащей деревне, и мужчинами, гнавшими плоты. Женщины дразнили их *черноклымы*⁵. Прозвище было образовано от слова *кила* — мужской половой орган.

Обмен прозвищами становился интенсивнее во время съезжих ярмарок: на Пинеге проходила Никольская ярмарка, в районе Кенозера на Погосте (Пудожский уезд Олонецкой губернии) — Благовещенская, в Архангельске — Маргаритинская, в Мезени — Крещенская, в Бестужеве Устьянского района — Прокопьевская и др. С приездом на лешуконскую ярмарку жителей Печоры связывают появление песни «Ходит Ваня по угору»⁶. В ней присутствуют ЛГП деревень, расположенных по рекам Мезени и Вашке, мимо которых проезжали печорцы.

Прозвищная традиция носит универсальный характер и распространена среди различных этносов. Например, дети польского Поморья и города Познани (Великопольша) при встрече дразнили друг друга: *potorskie sledzie* и *roznanskie ruру* «поморские сельди и познанская картошка»⁷. В Великопольше *руру* — картофель.

ЛГП представляют собой коммуникативную систему, связанную с местными группами. В сельской местности существует очень сильное осознание своей принадлежности к местному сообществу. Этот вывод подтверждается развитой системой коллективных прозвищ: их знание свидетельствует о принадлежности индивида к локальной микрогруппе. На существование в сельской местности языкового коллектива, равного деревне или кусту деревень, обращали внимание С.Е. Никитина, Л.П. Крысин⁸. Через знание определенных текстов осуществляется связь поколений. Прозвища тесно связаны с этносом на различных уровнях: от микролокального (прозвища жителей всей деревни или ее части) до межэтнического (прозвища соседних народов). Прозвищный идиолект может существовать на уровне жителей одного дома (в городе) или сельского околотка, а может бытовать и на уровне целого ареала. Прозвищ-

ный фольклор — одна из многочисленных групповых форм фольклора. Каждой группе присуще общее речевое поведение.

Присловьями обрисовывается определенный тип жителей. Они выделяют группы внутри этноса. Как пишет А.Ф. Журавлев, микроэтнонимия «дает рубрикацию этносоциального пространства и является конкретной основой субэтнической самоидентификации»⁹. В ряде районов Архангельской области сохранились прозвищные песни, в которых характеризуются жители деревень, иногда они содержат прозвища только парней или девушек одного куста деревень. Каждая из этих песен очерчивает границы определенного ареала. Как правило, информанты хорошо знают прозвища только своей локальной группы. В малых группах существует речевая гомогенность. У них появляется общая манера речевого поведения. Слова становятся символами, позволяющими определить «своего» и «чужого».

Присловья являются своеобразной формой репрезентации этнического образа. Существуют различные уровни означаемых ими общностей: от крупных сообществ, занимающих большую территорию (поморы — *кишкоброды*, *наважьи головы*), проживающих по реке (пинезжане — *икотники*) или на территории одного уезда (жители Вятского уезда — *слепороды*), до жителей одного сельского околотка или слободы. Например, одна часть деревни (околоток) называлась *горшки*, а другая — *натрубники*, потому что их жители занимались гончарным промыслом (д. Сухой Нос, Верхн.); в поморском селении жители одного из его концов имели прозвище *сиги*, второго — *караси* (д. Хвосты, Прим.). То же самое наблюдается и в городской среде в отношении жителей микрорайонов и многоквартирных домов.

«Раньше, когда я жила на улице Кехотской, наш дом стоял прямо напротив кладбища, поэтому нас называли “жмуриками”, то есть “покойниками”». (Е. Антрушина, 1978 г.р.)

Во многих городах России, в том числе в Архангельске, существуют огромные длинные дома, которые называют *китайской стеной*, а их жителей — *китайцами*.

КП и их мотивации содержат в себе стереотипные модели локальных характеристик¹⁰. Их анализ позволяет выделить группы сообществ (как они представлены в прозвищном фольклоре). Первую группу составляют сообщества с завышенной самооценкой, находящиеся в социально доминантной позиции по сравнению с другими; по отношению к себе они допускают только положительные характеристики, по отношению к другим — отрицательные (например, к ним относятся жители Шенкурского р-на Архангел. обл.).

Ко второй группе относятся сообщества, имеющие заниженную самооценку. Негативные характеристики перешли в стереотипы самовосприятия. К подобным группам относятся сообщества, проживающие в территориально и социально неблагоприятных условиях, например жители верховий рек и притоков, группы, проживающие вокруг озер, расположенных вдалеке от основных магистралей.

Основную группу составляют сообщества, сами присваивающие себе позитивные характеристики, несмотря на свой «бедный» внешний вид. Это способ своеобразной символической компенсации объективно низкой самооценки с целью ее повышения. По отношению к другим группам ими используются уничижительные характеристики. Выделенная модель является следствием такой особенности народного сознания, как этноцентризм.

Прозвишный фольклор делится на самоназвания (эндоимы) и названия, данные «чужими» (экзоимы), и, соответственно, на связанные с ними эндонимичные и экзонимичные тексты. Эндоимы свидетельствуют о самоидентификации локальных микрогрупп и об осознании ими своей принадлежности к определенной общности. Так, жители реки Содон, протекающей в Верхнетоемском районе Архангельской области, называют себя *содонами* и объясняют: «*Наши предки-казаки прибежали с Дона*» (Л.С. Юринская, 1923 г.р.). Старожилы Мезенского района употребляют по отношению к себе прозвище *староверы*: «*Коренное население — староверы, а потом пришли беженцы из Сибири*» (Т. Сиротинкина, 1980 г.р.).

Самоназвания имеют более высокую положительную оценочность, чем экзоимы. В них объект номинации чаще всего «приподнят». Преобладают хвалебные характеристики: *колежма-короли, нюхчане-цари* (с. Колежма, Нюхча, Белом.), *ярославцы-красавцы, белотельцы; ракоболы смелые* (д. Ракоболь, Пош.); *ваймушона-богачи* (Пин.), *кремлёвцы фасонистые* (д. Кремлево, Конош.). Молодые представители локальных микрогрупп говорят о себе: «*Мы самые крутые и продвинутые*» (пос. Коноша, А.И. Чертова, 1986 г.р.) и т. п.

В эндоимах нашла отражение местная аксиология. Например, жители деревни Гангозеро (Кондоп.) называют себя *гангозёра-светлая вода*¹¹, так как качество воды для местных сообществ Карелии входило в систему приоритетов. Представители локальной группы, проживающей по берегам Водлозера (Пуд.), сами себя именовали *озёрными людьми*¹². Озеро для них было важнее, чем поле. Даже в наши дни в Водлозерье можно услышать поговорку: «*Озеро — всему голова*»¹³. *Неводлозёры*, по их мнению, не знали, как правильно вести себя на озере, не умели управляться с веслами и парусом. Состояние почвы, дающей возможность получить хорошие урожаи, включали в систему приоритетных оценок представители микрогрупп, занимающихся земледелием. Самыми плодородными землями по Пинеге славилась деревня Марьина Гора. Ее жители говорили о себе: «*Марьина Гора — сахарна голова*»¹⁴.

Для самоназваний характерно прославление населения, живущего в данной местности. В них употребляются идеализирующие эпитеты: «*Наконецка как на блюде — там живут богаты люди*» (А.А. Масталыгина, 1908 г.р.), «*А на Спасском-то церковный приход, / Собирался по округу народ, / А там девушки красивые...*» (Шен.) и др.

Как правило, локальная самоидентификация осуществляется на нескольких уровнях: от более мелкой группы к более крупной. Перво-

му соответствует уровень деревни или села, второму — района (уезда) или какой-то его части, третьему — области (губернии). Структуру локальной самоидентификации можно сравнить с матрешкой: мелкое сообщество входит в состав более крупного и т. д. Проиллюстрируем это конкретным примером: жители деревни Кянды (Онеж.) — *бахилы*, Онежского района (Арх.) — *стерлядники*, Архангельской области — *трескоеды*.

КП позволяют выделить несколько крупных групп на территории Северо-Западного региона России: *трескоеды* (архангелогородцы), *ножовики* (вологжане и жители южных районов Архангельской области, ранее входивших в состав Вологодской губернии), *слепороды* (вятчане, ныне жители Кировской области). Жителей Псковской области по всей России называют *скобарями*, Новгородской — *гущедами*, или *гущей*, и т. п.

Ареалы проживания ряда локальных групп Европейского Севера России совпадают с современными административно-территориальными единицами: *мамоны* (жители Няндомского района, входившего до начала XX в. в состав Каргопольского уезда Олонецкой губернии); *каргопольщина* / *жганая оглобля* / *чудь белоглазая* / *толоконники* — жители Каргопольского уезда (района); *икотники* — пинежане (Пинежский уезд (район)); *шенкурята* / *ваганы косопузы* — жители Шенкурского уезда (района); *смолокуры* — жители Вельского уезда (района), *кофейники* / *штенники* — мезенцы в среднем и нижнем течении реки Мезени; *усьяки* / *зырь* / *зыряне* — население Устьянского района; *тестоеды* / *тестяники* — жители Заонежья в Карелии и др.

Самоназвания отсутствуют на границах проживания локальных групп, исторически входивших в состав другой административно-территориальной единицы. Существуют группы, не имеющие своего ЛГП. К ним относится население Лешуконского, Плесецкого, Коношского районов Архангельской области. Как мы полагаем, это объясняется историей данных регионов. В прошлом они входили в состав других уездов (Мезенского Архангельской, Каргопольского Олонецкой, Вельского Вологодской губерний), в XX в. они оказались на границе, на периферии своей бывшей административно-территориальной единицы, поэтому у них и их соседей не сложилось устойчивого восприятия себя как самостоятельной локальной группы.

Экзонимичные тексты передают различные оттенки отношения к объекту номинации: уважение, иронию, пренебрежение, издевку, враждебность, опасение. Среди различных форм осознания «чужих» преобладает ироничное отношение к объекту номинации: *картофельные короли* — жители островных деревень Пустошь, Выселки, Вознесенье (Прим.), получавшие самые большие урожаи картофеля в округе; *пакшаны-слепачи* — деревни Пакшеньги Устьянского района (экономили электроэнергию).

Иронические характеристики в народной традиции в первую очередь получают чужие локальные сообщества: *рязанцы кособрюхие/сине-*

пузые, вагане кособрюхие/толстопузые (Вел.), *псковичи* — *небо кольями подпирали*¹⁵ и др. В экзоним включается сниженная или негативная оценка. Экзонимы передают снисходительное отношение к представителям местных сообществ: *нужда холмогорская* (Холм.), *крошкеды* (д. Шижня, Белом.), *Сура-дура* (Пин.) — *побирались, дика Пёза* — местность удалена, и жители отстали в культурном отношении, (Мез.) — или содержат издевку: *грязнули* (жители всех деревень по реке Пёзе — притоку Мезени). В экзонимах обыгрывается признак, отсутствующий, по мнению тех, кто дал это прозвище, у них самих. В соседних с Пинегой уездах ее жителей считали колдунами и называли *икотниками*, насылающими *икоту* (кликушество). В бытовом дискурсе экзонимы употребляются гораздо чаще, чем эндонимы. В процессе собирательской работы нам удалось зафиксировать значительно меньшее по сравнению с экзонимами количество самоназваний. Довольно редко они встречаются и в более ранних публикациях¹⁶.

Этноцентризм — характерная черта любой локальной группы. В состав эндонимов нередко включаются «престижные» названия столиц или крупных городов, выполняющие в прозвищах функции смыслообразующего семантического ядра: *Москва, Питер, Вологда* и др. Географические эндонимы могут разворачиваться в топонимические словосицы и поговорки, в которых населенный пункт сравнивается с этими городами: *«Шенкурск-городок — Москвы уголок»*¹⁷; *«Лямца (Онеж.) — Москвы уголок»*¹⁸ и др. Выделение Шенкурска из других населенных пунктов, возможно, связано с тем, что он являлся одним из самых древних поселений этого ареала. Впервые Шенкурск упоминается в 1315 г. При Иване Грозном он был отнесен к числу городов, входивших в состав опричнины. В XVI в. в нем временно проживали старосты и десятичники, приезжавшие из Новгорода и управлявшие имениями и церквями по реке Ваге.

Население ни одного районного центра Архангельской области (даже если он является селом) не причисляет себя к деревенским жителям. Проиллюстрируем наше наблюдение одним из многих подобных высказываний, записанным от исполнителя, который проживает в селе Карпогоры — районном центре Пинежского района (Арх.):

«Жителей других деревень у нас называют «деревенскими», или «шаньгами», что является очень обидным. Из-за этого даже драки могут начаться». (Т.А. Габараев, 1985 г.р.)

Этноцентризм как типичная черта народного самосознания отличает песни о различных наименованиях деревень, частушки и частушечные спевы. Они традиционно исполнялись на праздничных гуляниях, куда съезжались жители соседних деревень. Вероятно, такие песни создавались в центральном населенном пункте селенческого куста, поэтому в них наблюдается более высокая самооценка. Песня обычно начиналась с фрагмента, посвященного такой деревне (деревням):

*Были олемцы хороши (2) <д. Олема>,
Вот они хороши (2).*

*Резчена были пригожи (2) <д. Резя>,
Вот они пригожи (2).
Чулащёла — коневалы (2) <д. Чуласа>,
Коневалы, коневалы.
Были русомцы бахвалы (2) <д. Русома>,
Вот они бахвалы.*

Стилистику экзонимов следует охарактеризовать как пейоративную, или сниженную. Стилистика эндонимов оценивается нами как высокая.

Эндонимичные выражения наблюдаются и в современной городской культуре. Часто они представляют собой аподиктические суждения (неопровержимые для исполнителя). Когда в Архангельске планировали строить атомную электростанцию, то среди соломбальцев возникло присловье-«самоутверждение»: *«Всё взорвётся, а Соломбала останется»* (А. Борисова, 1980 г.р.).

Для представителей локальных групп характерно как приятие, так и неприятие экзонима. Здесь выделяется несколько тенденций. Во-первых, экзоним может совпадать с эндонимом: *грибоеды* — КП жителей деревни Грибанихи Онежского района. Коннотации этого имени закрепились в пословице, которой характеризуют себя ее жители: *Колы в лес пошел да белых грибов не набрал, так в лесу не бывал* (М. Лобанова, 1981 г.р.). Шутливая «самоидентификация» жителей Архангельска с прозвищем *трескоеды* нашла отражение в пословице: *Не поешь трещочки, дак не поработаешь* (Н. Орлова, 1981 г.р.). Во-вторых, не менее типичным является неприятие КП сообществом, к которому оно относится. Жителей деревни Побережье (Медв.) называют *Побережье шальное* — *из-за того, что много дрались* (В.А. Агапитов, 1952 г.р.). Но сами сельчане отвергают это прозвище и называют *шальным* население соседней деревни Никоново. *Тестяниками* именуют жителей Заонежья (Медв.), но ни одна из его деревень не признает прозвища — все переадресовывают его соседям. Жителей села Веркола (Пин.) называют *монахами* из-за того, что на его территории расположен Свято-Артемьево-Веркольский мужской монастырь. Сами веркольцы негативно воспринимают прозвище и выражают большое недовольство, когда их дразнят подобным образом.

В-третьих, анализ прозвищной традиции позволяет выявить несоответствие объяснения происхождения КП самой локальной микрогруппой и соседями. Население, с которым идентифицируется КП, обычно предпочитает благоприятную мотивировку или, по крайней мере, нейтральную, безобидную. По словам жителей г. Няндомы, их прозвище возникло из-за того, что железную дорогу «Москва-Архангельск» строил знаменитый купец и меценат Савва Мамонтов, из-за этого их будто бы и прозвали *мамонами*. Жители соседних районов объясняют происхождение прозвища иначе: якобы оно появилось из-за неправильного произношения слов *макароны* и *лимоны*, которые когда-то впервые увидели жители Няндомы.

Размежевание микрогрупп особенно наглядно в дразнилках, в которых перебираются по прозвищам деревни, составляющие единый селенческий куст. Такие дразнилки обычно создаются в микроареалах, являющихся соседними по отношению к селениям, к которым они относятся. Подобные тексты содержат в себе информацию о существовании конкретных местных сообществ: перечисляемые в них деревни составляют единую поселенческую группу. Приведенная ниже дразнилка охватывает куст деревень, расположенных в среднем течении реки Мезени и имевших между собой тесные хозяйственные связи:

Дорога гора — шишка <с. Дорогорское>,
Кимжа — трубочистка <д. Кимжа>,
Печище — катище <д. Печище>,
Жердь — Москва <д. Жердь>,
Жукова, Петрова <д. Жукова и Петрова>,
Мала Мишукова <д. Малая Мишукова>,
Козьмин городок <с. Козьмогородское>,
Березник — урод <д. Березник>. (А.Н. Житов, 1945 г.)

Некоторые загадки, раскрывающие ЛГП, построены на идее микролокального размежевания, например: *Какой город называют городом доски, тоски и трески?* (г. Архангельск). Знающие ответ на нее уже являются членами какой-то определенной местной группы.

Одной из основных функций прозвищной словесности является характеризующая функция. В осознании «чужих» преобладают шутка, насмешка: *телятники* — жители Вологды: *телёнка с подковой сели*¹⁹; *каргополов* называют из-за особенностей произношения *шипунами*²⁰; встречаются прозвища, выражающие презрение, враждебность и осуждение: *белосёлы-воры — часовню Николы спёрли* (с. Белое село, Пош.)²¹, *Шиднема* (Пин.) — *беситанная команда*: дети бегали по улице полуголыми, *понукалы* (пос. Сия, Холм.) — занимались извозом, *дикари* (д. Сылога, Пин.) — очень шумно вели себя, *безумные* (д. Важгорт, Коми) — якобы имели вспыльчивый характер и др.

Функция осмеяния соседнего сообщества корреспондирует с характеризующей функцией. Присловья произносятся с целью вышучивания, они выступают в роли инвективы и передают пренебрежение: *голодаи* — деревня была бедной (д. Орлово, Карг.); *замараны подола* — о женщинах д. Березник (Мез.), *ваганы косопузы* (*толстопузы*) — будто бы они носили криво подпояску (Вел.)²² или содержат издевку: *устьяны низкосракие* (Уст.) — прозвище было распространено в соседнем Котласском районе.

Прозвища должны оказывать эмоциональное воздействие. Они вызывают различные чувства у адресатов — от обиды и враждебности, если содержат в себе уничижительную характеристику, до чувства гордости, если поднимают статус сообщества в глазах окружающих. Жителей Устьянского района (Арх.) в соседних регионах называют *чудью белоглазой*. Сами они не только принимают это КП, но и гордятся им.

Жители различных селений обменивались присловьями при встрече. В Поморье прозвищная традиция актуализировалась во время зверобойных кампаний. Артельный промысел создавал специфическое коммуникативное пространство. Поморы из различных деревень Летнего и Зимнего берегов Белого моря, съезжавшиеся на тюлений и рыбный промыслы, приветствовали друг друга прозвищами. На Пинеге прозвищным перебранкам способствовал молевой сплав леса по реке.

В песнях-диалогах между девушками и парнями, образующих подгруппу песен о разных наименованиях деревень, высмеивание недостатков выполняло регулятивную функцию (предостережение). В них подвергалось осуждению то, что в дальнейшем могло помешать прочности брака.

Моделируя коммуникативную ситуацию, ЛПП выступают в роли приветствий: *Карьепольски шти, на ночлег пусти* (д. Карьеполье, Мез.). Мимо деревни Карьеполье проходила зимняя дорога из Мезени в Архангельск, приведенное выше присловье произносилось, когда конные обозы проезжали через него. Стереотипное обращение к жителю деревни Усолье Плесецкого района: *Эх ты, копоруля!* — произносилось во время различных трудовых процессов. Жители Усолья отличались медлительностью: *копоруля* означало «тихоня». Коллективные прозвища входят в группу онимов, которая, кроме них, включает в себя топонимы, антропонимы, катойконимы и др. Традиция приветствия прозвищами идентична обычаю приветствовать друг друга сниженными катойконимами. Эта ситуация нашла отражение в анекдоте.

«Идут навстречу две старушки. Одна говорит другой:

— Здравствуй, Гусиха!

— Здравствуй, Копачиха!

Другая:

— Ты что бранишься?

Другая:

— А ты что?

В ходе разговора выяснили, что так зовут обитателей деревень, в которых они проживают: «Гусиха» — от деревни Гусево, «Копачиха» — от деревни Копачёво. В настоящее время этих поселений уже нет».

(А.А. Сташева, 1925 г.р.)²³

Аналогичный анекдот, свидетельствующий о традиции приветствия семейными антропонимами, был записан в деревне Кушкопале Пинежского района.

«Встретились два мужика из нашей деревни, семью одного «лаптями» звали, а род другого — «куроптями». Вот второй и говорит первому:

— Куда, куропти, полетели?

А первый и отвечает:

— Да в сельпо лапти привезли, дак за лаптями иду». (Г.М. Кокорина, 1949 г.р.).

Функцию установления и поддержания контакта выполняли ритуальные реплики-прозвища, которыми при встрече обменивались представители различных сообществ. Эта функция характерна также для частушек, которыми начинались шуточные перебранки между парнями и девушками соседних деревень. Желание вступить в контакт преобладает в них над информативной частью.

Прозвищным текстам свойственна «толковая», или метаязыковая, функция²⁴. Она проясняет значения слов (прозвищ). Присловья имеют свой метаязык. Существует своеобразная народная «герменевтика». Например, КП *матигоры-воры* (с. Матигоры, Холм.) объясняла параллельно бытующая поговорка: «*Матигоры-воры: Богородицу украли, в огороде закопали*»²⁵.

Особенно ярко метаязыковая функция проявляется в песнях о различных наименованиях деревень, в частушках и дразнилках:

*Матверцы-ельцы
Съели крысу на печи
Вместо луковицы.
Ели-ели три недели —
На четвёрту околели*²⁶.

Первые три строки содержат в себе мотив *съели крысу на печи*, во второй части дразнилки (заключительном двустии) происходит его экспликация — *ели-ели три недели — на четвёрту околели*. Эту же функцию выполняет расшифровка прозвищ в устных рассказах и анекдотах. Прозвище жителей города Уржума (Вят.) — *свиносады*. В 1884 г. Н. Спасским был опубликован анекдот, в котором стержневое слово *свиносады* получило объяснение и развитие²⁷. В нем рассказывается о том, как уржумцы сажали вместо курицы на насест поросенка и очень удивлялись, почему у курицы две ноги и она сидит, а у поросенка четыре, но он падает. Тексты рассказов и анекдотов построены на своеобразном параллелизме. Первая часть заключает в себе прозвище и является метафорической, вторая часть объясняет первую.

Присловьям во многом свойственны также развлекательная и орнаментальная функции. Развлекательная доминирует в прозвищных анекдотах, дразнилках, частушках, орнаментальная — в поговорках.

Как уже отмечено, прозвищные тексты — это явление одновременно фольклора и языка. Как и другие фольклорные тексты, они устойчивы, клишированы, варьируются, имеют сильные внетекстовые связи и включаются в контекст речи. Последние из рассмотренных функций развиваются сравнительно поздно.

Присловья обладают функциями, свойственными языку и ритуалу. При реконструкции ситуации, в которой звучат присловья, возможно выявление обрядовой функции, связанной с их исполнением в календарные праздники, и апотропеической. Основными для присловий являются интегрирующая функция связанная с коммуникативной, воспроизводящая групповую солидарность и систему исторически сложившихся культурных значений, а также функция размежевания мик-

рогрупп (присловья позволяют выделить мелкие группы этноса). ЛГП являются критерием идентификации, элементом, с помощью которого строится групповая идентификация.

В современном прозвищном фольклоре наблюдается активное использование ЛГП во внутригрупповом общении как одном из способов восприятия «чужого», реже ЛГП выступают в межгрупповых контактах.

Традиция ЛГП сохранилась и в условиях городской жизни («письменной» культуры), где прозвища выступают в роли маркеров населения кварталов и улиц.

Примечания

¹ ФА ПГУ: П. 403 (зап. в 2003 г. в д. Ваймуше, Пинежский р-н, от Т. С. Миныной, 1941 г.р.).

² *Агапкина Т.А.* Фольклорный текст в этнографическом контексте: словесные поединки, их формы и функции в весеннем обрядовом фольклоре славян // Славянские литературы, культуры и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998): Доклады российской делегации. М., 1998. С. 7

³ Архангельский областной словарь. М., 1980—2001. С. 140.

⁴ ФА ПГУ: П. 405. Текст любезно передан сотрудником Института этнологии антропологии РАН А.В. Фроловой.

⁵ Информация получена в 2004 г. в д. Кобелево, Покшеньгский с/с, Пинежский р-н, от А.М. Першина, 1914 г.р.,

⁶ Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов; Вступ. ст. Н.П. Колпаковой. Л., 1967. С. 188

⁷ Информация любезно передана сотрудником Института польской филологии Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша) Яниной Ходерой.

⁸ *Никитина С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34—40; *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 10; *Крысин Л.П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989. С. 78—86.

⁹ *Журавлев А.Ф.* Русская «микроэтнонимия» и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Материалы конф. (Москва, 13—15 дек. 1995 г.). М., 1995. С. 51.

¹⁰ Ethnic stereotypes and folklore / Reimund Kvideland & al. (eds.). Folklore processed in honour of Lauri Honko on his 60th birthday 6th March 1992. Studia Fennica Folkloristica 1. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. С. 115—116.

¹¹ Информация предоставлена доктором филол. наук Л.П. Михайловой (г. Петрозаводск).

¹² АКНЦ. Ф. 1. Оп. 1. Колл.133. № 101.

¹³ АКНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 628. Л. 3.

¹⁴ *Дранникова Н.В.* Коллективные прозвища (присловья-прозвища): Итоги Пинежской фольклорной экспедиции (25 октября — 2 ноября 2000 г.) // Экология культуры. Архангельск, 2003. № 3. С. 222.

¹⁵ Пословицы русского народа / Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 26, 39, 46.

¹⁶ *Снегирев И.М.* Русские народные пословицы и притчи / Изд. подгот. Е.А. Костюхин. М., 1999; Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990; Пословицы русского народа / Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993; *Забьлин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: В 4 ч. М., 1880. С. 571—582.

¹⁷ Словарь Архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.Н. Подвысоцкий. СПб., 1885. С. 192.

¹⁸ *Меркурьев И.С.* Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. С. 12.

¹⁹ *Забьлин М.* Русский народ: его обычаи, обряды... С. 573.

²⁰ В. И. Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края // Филологические записки. Вып. 1—2. Воронеж, 1901.

²¹ *Чарушин А.А.* Народный язык. Архангельск, 1914. С. 12.

²² Словарь Архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.Н. Подвысоцкий. СПб., 1885. С. 14.

²³ ФА ПГУ: Ф. 30. Л. 3.

²⁴ *Левинтон Г.А.* К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста: Семантика малых форм фольклора. М., 1988. С. 148.

²⁵ Словарь Архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. А.Н. Подвысоцкий. СПб., 1885. С. 88.

²⁶ Светлое Пинежье. М.; Архангельск; Карпогоры, 2000. С. 28

²⁷ Присловья городам Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1884 год / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1884. С. 143—144.

Условные сокращения

Арх. — Архангельская губерния/область

Вел. — Вельский уезд / район Вологодской губернии/Архангельской области

Вят. — Вятская губерния

Карг. — Каргопольский уезд/район Олонецкой губернии/Архангельской области

Медв. — Медвежьегорский район Карелии

Мез. — Мезенский уезд / район Архангельской области

Онеж. — Онежский уезд / район Архангельской области

Пин. — Пинежский уезд / район Архангельской области

Пош. — Пошехонский уезд / район Ярославской губернии / области

Уст. — Устьянский район Архангельской области

Холм. — Холмогорский уезд / район Архангельской губернии / области